

А.А.Щелчков

Соблазненные силой: движение «леопардов» — фашизм в колумбийской политике (1920—1930-е годы)

В середине 20-х годов XX в. в Колумбии на фоне морально-политического кризиса консерваторов в среде консервативной неконформистской молодежи и праворадикальной интеллигенции возникло протофашистское движение «леопардов», оказывавшее существенное влияние на политическую жизнь в стране. В 30-е годы движение сформировало собственную политическую партию, ставшую влиятельной силой в департаментах Кальдас и Антиокия. Протофашистские организации в Колумбии возникали под воздействием международных событий, среди которых, прежде всего — Гражданская война в Испании. Протофашисты в Колумбии так и не смогли окончательно порвать с консервативной партией, а с началом Второй мировой войны были вынуждены свернуть независимую деятельность и вернуться в лоно партии. Данная статья посвящена анализу идейно-политического багажа колумбийских протофашистов и их организационной эволюции.

Ключевые слова: фашизм, фалангизм, консерватизм, правый национализм, Колумбия, Сильвио Вильегас.

DOI: 10.31857/S0044748X0004722-3

В 1920-е годы консервативный режим в Колумбии находился в упадке и переживал период обесценивания идеологических принципов под напором коррупционных скандалов, политиканства и общей усталости от идейно-политического застоя, отсутствия у консерваторов проекта будущего страны. Среди молодежи и вообще в общественном сознании происходила поляризация, с одной стороны, на сторонников левых, революционных социалистов и даже социалистующих либералов, с симпатией взиравших на российский опыт, а с другой стороны — на крайне правых, видевших выход из положения в новом типе авторитарной власти. Газеты писали: «Привлекательность диктатуры охватила многих, и даже среди консерваторов было немало тех, кто вслед за левыми предлагали экзотические ре-

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (sch2000@mail.ru).

шения, опиравшиеся на фигуры итальянского и испанского диктаторов, местные образчики Муссолини и Примо де Риверы хотят прийти к власти и на наших землях»¹.

В Колумбии идеи авторитаризма нашли отклик среди молодой интеллигенции, прежде всего, так называемого поколения Столетия республики. Первоначально эти идеи воспринимались через имевших большое влияние на колумбийскую общественную мысль писателей и публицистов испанского поколения 1898 г. Самой благоприятной средой для подобных идей были молодые интеллектуалы, состоявшие в рядах Колумбийской консервативной партии (Partido Conservador Colombiano, РСС) или ассоциировавшие себя с нею. Колумбийским политикам были близки идеи, распространенные в Испании, в частности, идеи испанизма испанских публицистов Марселино Менендеса Пelayo и Рамиро де Маэсту; политически они ориентировались на католический консерватизм испанского общественно-политического деятеля и юриста Хосе Марии Хилья Роблеса. Представители более радикальных групп ориентировались на позиции испанского политика-фалангиста Хосе Антонио Примо де Риверу, а затем и итальянских фашистов. Позднее обе группы объединяли симпатии к фалангизму и франкизму.

МОЛОДЫЕ КОНСЕРВАТОРЫ-НОНКОНФОРМИСТЫ: «ЛЕОПАРДЫ»

В рядах консерваторов и среди публицистов-модернистов, неконформистов возникло ультраправое молодежное движение, группировавшееся вокруг газеты «El Nuevo Tiempo» и журнала «El Gráfico». Молодые неконформисты, в том числе придерживавшиеся консервативных взглядов, с энтузиазмом восприняли мятежный дух аргентинской университетской реформы 1918 г.². Они не желали следовать за традиционными политическими лидерами Колумбии, которые, с точки зрения молодых неконформистов, полностью дискредитировали себя и предали забвению доктринальные основы их партии. В 1924 г. движение молодых неконформистов в рядах РСС оформилось в политическую группу «леопардов», называвшуюся так по сокращенному имени Организованного легиона для реставрации общественного порядка (Legión Organizada para la Restauración del Orden Social)³. Они призывали к обновлению консервативной партии, возвращению к истокам консервативной идеологии, основанной на папских энцикликах, — вплоть до признания списка запрещенных книг Силлабус. В группу входили такие яркие интеллектуалы, публицисты и писатели, как Сильвио Вильегас, Аугусто Рамирес Морено, Хосе Камачо Карреньо, Хоакин Фидальго, Элисео Аранго. Их идолом был Муссолини, а главными врагами — масоны, либералы и социалисты.

В середине 20-х годов почти все «леопарды», за исключением Вильегаса, отправились в Европу, где на практике приобщились к новым формам политической борьбы и идеям правого радикализма, прежде всего, итальянского фашизма. Результатом знакомства с европейскими идеями и политикой, по словам С. Вильегаса, стал «импорт», как в случае с Х. Камачо, «современных тезисов об экономическом национализме и государственном интервенционизме»⁴.

Большое идейное влияние на «леопардов» оказали работы немецких философов Фридриха Ницше и Освальда Шпенглера, Р.Маесту, французского консервативного социолога Фредерика Ле Пле; а идолом большинства из них (С.Вильегас, Х.Камачо и др.) был Шарль Моррас — лидер французского крайнего движения «Аксьон Франсез», у которого они переняли более чем негативное отношение к демократии, рационализму, наследию Просвещения и Французской революции. Вильегас и Камачо обращались в своих работах и к другому французскому идеологу национализма — Морису Барресу, у которого они заимствовали теорию «интегрального (целостного) национализма». Эти идеи основывались на обожествлении предков, природного окружения, которыми было обусловлено возвышение «духа расы», способного преодолеть настоящее и построить «будущее на цементе праха предков»⁵.

Фашистским движениям свойственны идеализация прошлого, стремление на словах вернуться к доиндустриальному периоду, к счастливой и гармоничной сельской патриархальной жизни⁶. Вильегас говорил, что перенял у Барреса «культ прошлого, культ земли, культ мертвых» в качестве основы национализма⁷. Хильберто Альсате (он не входил в первую группу «леопардов», хотя и разделял их взгляды, называя себя «новым леопардом») часто цитировал Ницше: «Только там, где есть могилы, будет воскресение»⁸. Вильегас писал: «Родина — это по определению земля отцов, движение расы, идущее из прошлого и утверждающееся в настоящем, уходящее в будущее»⁹.

Иррационализм и вера в сверхчеловека-вождя составляли важную часть идейного багажа «леопардов». Они воспевали героя, «Человека-Солнце», воплощенного в венесуэльском военном и политике, герое Войны за независимость испанских колоний в Америке Симоне Боливаре¹⁰. Как писал Вильегас, работа Ницше «Так говорил Заратустра» стала для «леопардов» своего рода Библией будущего, из нее они усвоили, что «эгалитарная демократия является врагом превосходства, ведь избранное меньшинство возглавляет тяжелую поступь мира, когда социализм создает опасность возвращения в варварство»¹¹. Этот «новый национализм» объявлялся основой новой морали, отрицавшей какие-либо общечеловеческие ценности, отвергавшей индивидуальное и особенное в личности¹².

В Националистическом манифесте 1924 г., ставшем программным документом «леопардов», говорилось, что они планируют создать идейно-политическую альтернативу индивидуализму либералов и коллективизму социалистов. Католицизм был объявлен основой жизни расы, которой угрожали атеизм и интернационализм масонов и евреев¹³. Идеалом провозглашалось централизованное и авторитарное государство, управляемое харизматическим вождем по примеру Муссолини¹⁴. По мнению «леопардов», страна нуждалась в новом Боливаре — вожде, который повел бы страну через испытания модернизации и новые вызовы. Камачо Карреньо писал: «Мы отрицаем демократическую и республиканскую ложь, противопоставляя ей гений Боливара. Суть нашей группы состоит в требовании реставрации авторитарного принципа власти. Было необходимо подкрутить некоторые элементы духовного сочленения в механизме консервативной партии, призвать ее вернуться к истокам, к забытой традиции, связать жесткой дисциплиной ее ряды. Наш лозунг: долой демагогию и инди-

видуализм»¹⁵. Манифест был первым программным документом группы, в котором они объявляли себя началом движения «новых правых» в лоне консерватизма. О самих себе они писали как о «молодых националистах, поставивших своей целью демократизировать консерватизм» и боровшихся с застоем в партии и за социальную справедливость в духе энциклик Льва XIII¹⁶.

«Леопарды» преклонялись перед силой, волей, энергией, которые должны были быть положены в основу политики и управления. Камачо писал: «Заявляя о признании нерушимого принципа власти, мы должны отделить энергию, которая есть сила разума, от насилия, которое есть неразумность силы. Но не будем забывать, что наказывать значит судить по справедливости, а справедливость — это воздать каждому свое»¹⁷. Вильегас не только воспевал силу, но и считал необходимым мобилизовать массы для насилия против левых и либералов, называя себя сторонником насилия в политике перед лицом краха демократии¹⁸.

В центр политической концепции манифеста молодые «новые правые» ставили социальную проблему, то есть проблему рабочего класса, ссылаясь на социальную доктрину католической церкви и соответствующие энциклики Папы. Их общественный католический порядок взывал к альтернативному относительно либерального индивидуализма и коммунистического коллективизма решению, ибо все остальное разрушает «целостность человеческой природы». Неразвитость рабочего движения и самосознания пролетариата в Колумбии пока еще давало шанс «новым правым» увести рабочих в сторону «католического социального порядка», опиравшегося на авторитаризм и клерикализм. В манифесте утверждалось: «Мы хотим для республики порядок, освещаемый церковью и противостоящий революционным свободам, разрушительным для государства и граждан, мы выступаем за традиционные свободы. Нам нужно национальное религиозное единство. Католическая церковь — это чистый духовный сосуд, сохраняющий все богатства расы, а все остальные иностранные верования неверны и нечеловечны».

Манифест «леопардов» возвышал сельский патриархальный уклад, так как крестьяне, в отличие от городских рабочих, сохраняли чистоту души, религиозность и даже наивность, которые защищали от влияний революционных доктрин. Было необходимо вновь обратиться к сельскому быту и нравам, к традициям крестьянства, которые были выражением духа земли. Крестьянин становился носителем телуристических сил нации. Манифест заключал: «Для нашего национализма мы должны установить особые отношения с людьми земли, что позволит всем нам обрести этическую личность, как сказал великий Моррас»¹⁹. Вильегас отмечал чистоту и духовное здоровье сельской Колумбии, в то время как «город представлял собой проявление упадка»²⁰. Утопия «леопардов», идеализировавших сельские патриархальные устои, была обращена в прошлое, ее основой была боязнь неизбежной модернизации, это была подлинно консервативная утопия.

«Леопарды» в своей публицистической деятельности воспевали испанизм и католицизм, сельскую архаику и традиции. С 1928 г. Вильегас возглавил газету «El Debate», в которой отмежевывался от идей Морраса, заявляя о непреходящей ценности католицизма и Ватикана. Тогда «леопар-

ды» обратились к традициям иберийского авторитаризма и католического фундаментализма²¹. Камачо постоянно обращался в своих трудах к испанской традиции. Он писал об аристократической и благородной Испании идалго, о традиционной сеньориальной стране, где и низшие классы могли достигать совершенства жизни в своем круге. В таком обществе простой крестьянин был привязан к земле, религии и традициям, что и было идеалом жизни²². Обращение к сельской идиллии обуславливалось неприятием пролетаризации и маргинализации низов в городах, где не оставалось места для традиции. Камачо писал: «Крестьянин — это стабильность, а его привязанность к земельному участку обеспечивает целостность нации»²³.

Вильегас прямо указывал на то, что сельское население является бастионом борьбы с коммунизмом и атеизмом, что в массы для их мобилизации следует идти через принятие социальных законов в пользу сельских тружеников. Он писал: «Мы обращаемся к традиционному смыслу крестьянского класса, который является духом земли»²⁴. Необходимо превратить сельского рабочего в собственника земли, сделать его труд и быт защищенными и такими же современными, как в городе: «Необходимо принять социальные законы, которые установят режим справедливости, включая создание свободных или нейтральных корпоративных организаций на основе конфессиональной принадлежности»²⁵.

К той же теме обращался Камачо, отмечавший, что урбанизация и стремление крестьян обрести в городах современные условия жизни и труда естественны, но разрушают устои аграрной, традиционной Колумбии. В связи с этим он ставил в качестве задач возвращение населения в деревню, поощрение мелкой крестьянской собственности²⁶. Обращение к сельской идиллии стало отражением восстания радикализирующихся средних слоев против процессов модернизации, чертой, свойственной многим праворадикальным движениям фашистского типа.

ПРОТОФАШИЗМ И БОРЬБА С ЛИБЕРАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

После прихода к власти в 1930 г. либералов не только «леопарды», но и консерваторы видели свой политический резерв в сельском населении, причем предпринимавшаяся либералами аграрная реформа разрушала в ряде районов их базу влияния. «Леопарды» стремились преодолеть односторонность своей социальной базы. В 1936 г. Элисео Аранго писал: «Наши традиционалистские массы — в деревне. Но руководство политикой принадлежит городам. Мы, большинство колумбийцев, вынуждены подчиняться тирании наглых городских организаций. Наша тактическая проблема состоит в том, что мы боремся не за деревню, а за улицы и площади городов»²⁷.

«Леопарды» были убеждены в своем превосходстве как над старыми интеллигентами, так и над народными массами, неспособными, по их мнению, достичь глубины понимания бытия²⁸. Поколенческий конфликт, вера в молодежь как ведущую силу латиноамериканского национализма, противопоставление «латинской» сущности влиянию североамериканского соседа составляли суть «аризмизма», идейных построений уругвайского писателя и политика Хосе Энрике Родо, возбудившего в начале века внимание

молодежи континента своей работой-манифестом «Ариэль». Работы Родо произвели большое впечатление на молодых консерваторов. Колумбийский исследователь Сесар Аугусто Айяла называл идеи Родо «консервативным демократизмом», что привлекало молодых колумбийских консерваторов из департамента Кальдас, откуда происходило большинство «леопардов»²⁹. «Леопарды» восприняли в «ариэлизме» и поколенческий конфликт и националистическое противопоставление рационального и эгоистического, протестантского Севера Америки и идеализированного образа христианского и верного традиции латинизма Юга континента.

Особой ненависти ко всему иностранному, англо-саксонскому удостоивались США, которые обвинялись в резком изменении положения в стране из-за создания огромных компаний вроде «United Fruit Company» и в отделении от Колумбии Панамы. «Леопарды» подчеркивали, что иностранный капитал деформирует национальную действительность, создает очаги социальной и культурной деградации. В период кризиса 1929—1930-х годов «леопарды» видели выход в национализме: «Наша настоящая проблема — не кризис, а отсутствие национальности. Наш кризис — это кризис духа. Укрепимся в понимании родины, создадим нацию: экономический национализм, художественный национализм, просто национализм»³⁰.

Национализм Вильегаса предусматривал латиноамериканскую солидарность, основанную на идентичности: «Всякий национализм в Америке должен быть континентальным». Кроме того, этот национализм был окрашен в антиимпериалистические тона, отрицал деградацию Колумбии до положения простой экономической колонии могущественных США и европейских сверхдержав³¹. Вильегас писал: «Если экономическая политика наших правительств не изменится, то от Мексиканского залива до Магелланова пролива у нас будет 150 млн человек, работающих под жарким тропическим солнцем только для того, чтобы новые колонизаторы-энкомендеро в Чикаго, Филадельфии и Нью-Йорке за наш счет жили в прекрасных особняках в роскоши». И заключал: «Народы, теряющие честь во имя негоции, теряют и то, и другое»³².

Идеализация «леопардами» авторитаризма и крайнего клерикализма не встретила поддержки в руководстве РСС. Поддержка диктатур Primo de Rivera в Испании и Муссолини в Италии жестко осуждалась в партийной прессе, настаивавшей на приверженности партии демократии и республиканским принципам. В ответ Вильегас писал: «Впечатляющее дело Муссолини является триумфом консервативных принципов в переживавшей упадок Европе. Он — император, победитель, библейский Олоферн. Его дело вызвало симпатии Ватикана, восторг Джолитти, Бенедетто Кроче, Энрико Ферри, то есть самых свободных людей в Италии»³³. После резкой критики со стороны верхушки партии «леопарды» остались небольшой молодежной группой, не сумевшей призвать под свои знамена массы консерваторов, что обусловило ее маргинальное положение в национальной политике.

Оставаясь малочисленной группой, «леопарды» представляли интерес для части руководства РСС, желавшей привлечь на свою сторону правых нонконформистов. В 1929 г. они стали занимать правительственные посты, вплоть до министерских (Э.Аранго получил портфель министра просвещения, А.Рамирес — секретаря финансов департамента Кундинамарка и т.д.).

Во время предвыборной кампании 1929 г. «леопарды» поддержали кандидатуру Гильермо Валенсии от внутриконсервативной оппозиции, при этом они осудили двусмысленную позицию церкви, отказавшейся определенно высказаться в пользу одного из консервативных кандидатов, что способствовало победе Энрике Олайи Эрреры (1930—1934) из Колумбийской либеральной партии (Partido Liberal Colombiano, PLC).

После прихода к власти либералов в 1930 г. «леопарды» призывали к реорганизации консерватизма, к обновлению движения с опорой на массы и внутреннюю силу, состоящую в отстаивании «христианской концепции общества»³⁴. С началом реформ в правом политическом секторе Колумбии стали происходить процессы консолидации радикальных группировок, примером для которых служили фашистские режимы Европы. В департаменте Бойяка была создана Националистическая фаланга Бойяки (Falange Nacionalista de Boyacá, FNB), в г. Сопо — Правый центр (Centro Derechista, CD), в г. Букараманге — Легион крайне правых (Legión de Extrema Derecha, LED), в Антиокии — «Молодежный союз» (Haz juvenil) и «Женский союз» (Haz de mujeres) (от исп. haz — пучок, связка, союз), в г. Медельин издавался журнал «Derechas»³⁵. Сторонники фашизма множились, радикализировались и «леопарды». Мануэль Серрано Бланко из департамента Сантандер заявлял, что только фашизм способен реорганизовать консервативную партию и остановить революционную волну, начатую либералами и коммунистами³⁶. В 1933 г. видные интеллектуалы РСС Карлос Весга Дуарте и Даниель Валоис Арсе предлагали профашистским силам выйти из партии и создать собственную³⁷. Однако традиция двухпартийности и фактической наследственности партийной принадлежности была сильнее, и единство консерватизма сохранилось. Формирование консерваторами фашистской партии было маловероятно, при этом Испания — особенно после 1936 г. — была тем проводником, который делал ультраправые идеи приемлемыми в рядах РСС. В мае 1935 г. в Медельине была создана партия «Иерархия», издававшая одноименную газету. Один из лидеров группы Хосе Мехия Мехия утверждал, что это была не просто партия, а штурмовой отряд правых. Члены организации отвергали принципы демократии и общественные свободы во имя традиции и веры: «У правых сил есть один маяк — это Рим, единственная правда и ответ на все современные проблемы». В группу вошли и «леопарды», в частности, Х.Альсате. В отличие от «леопардов», увлеченных идеями французских правых, члены «Иерархии» брали за образец испанских карлистов и фалангистов, симпатизировала итальянским фашистам³⁸.

С началом гражданской войны 1936—1939 г. в Испании в лагере колумбийских консерваторов произошла радикализация. Еще в 1935 г. внутри РСС был сформирован Центр консервативного действия, члены которого относили себя к католикам, консерваторам, националистам и реакционерам. В Медельине крайне правые, симпатизировавшие европейскому фашизму, создали Альянс за веру и традицию (Alianza para la Fé y la Tradición, AFT). В 1936 г. была образована организация «Националистическое народное действие» (Acción Nacionalista Popular, ANP), куда вошли Сильвио Вильегас, Фернандо Лондоньо, Хильберто Альсате Авенданьо, Хоакин Эстрада Монсальве, Эдуардо Карранса. ANP реально действовала в г. Манисалесе и департаменте Антиокия; члены организации имитирова-

ли форму и «римское приветствие» своих европейских единомышленников, заявляли о политической и идейной близости с Муссолини, Моррасом, Гитлером и Франко. Вильегас писал: «Если демократия — это власть народа, то Третий Рейх — самое демократическое государство в мире. Гитлер и Муссолини правят с народом и для народа!»³⁹. В апреле 1938 г. партия провела в Манисалесе съезд, на котором был избран Националистический комитет в составе Ф.Лондоньо, А.Альвареса Рестрепо, С.Вильегаса, А.Аранго Урибе и Х.Альсате. Руководство ANP объясняло отдаление от «материнского тела» РСС неприятием демократии и политического плюрализма как препятствий для национального величия. Вильегас утверждал: «Когда мы, националисты, придем к власти, первое, что будет сделано, — это роспуск всех политических партий»⁴⁰. Идеи «леопардов» резко критиковал лидер консерваторов Лауреано Гомес, считавший, что идеология национализма противоречила универсализму католицизма, который был для него непререкаемой догмой.

В 1938 г. ANP опубликовала «Основы националистической программы» с изложением своих доктринальных и программных пунктов. Согласно манифесту создание организации было началом националистической революции. Националисты заявляли, что были «не капиталистами, не либералами и не марксистами», а католиками. Своим духовным вождем они провозглашали Боливара. В документе говорилось, что националисты «борются за корпоративную организацию государства», против партийного разделения нации. Кроме того, в манифесте признавались права трудящихся и обязанность государства обеспечивать социальные права; выдвигалось требование национализации банков и всех социально значимых общественных служб⁴¹.

Манифест националистов отличался радикальной антикапиталистической риторикой, многие положения были близки требованиям левых партий и профсоюзов. Они призывали передать землю крестьянам, поддерживать профсоюзы, учредить элементы «народного капитализма», предполагавшего участие рабочих в прибылях предприятий. В документе декларировалось: «Мы хотим иную экономику, отличную от бесчеловечной и хаотичной капиталистической системы, — основанную на общественных потребностях, на ответственности и профсоюзной организации; система, в которую мы верим, — это национальный социализм, способный объединить труд, производство и распределение благ»⁴². Это был решительный отход от консервативной традиции, самое радикальное выражение профашистского кредо в его левом, социалистическом виде, что стало причиной разрыва с другими правыми силами и ослабило влияние и политические возможности ANP.

Чтобы избежать обвинений в симпатиях к гитлеризму, ANP объявила свою идеологию «креольским национальным социализмом», подобным тому, что реализовывался в других латиноамериканских странах, а именно в Мексике при Ласаро Карденасе (1934—1940) и в Боливии при Хермане Буше (1937—1939)⁴³. Однако очевидной оставалась идейная близость фашизму и фашизму, а не декларируемому индоамериканизму в духе перуанского Американского народно-революционного альянса (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA).

В г. Боготе с апреля 1935 г. действовала партия «Национальное правое действие» (Acción Nacional Derechista, AND), в которую входили видные деятели консервативной молодежи Мануэль Москера, Херардо Валенсия и др. Организация заявляла, что ни в коем случае не порвет с РСС. Позже во избежание политических спекуляций было объявлено о роспуске AND, но организация сохранилась и действовала как часть РСС, выпуская газету «Derechas»⁴⁴. Профашистские издания множилось: «El Fascista», «La Tradición», «Patria Nueva», «Claridad». В 1937 г. Вильегас издал нашумевшую книгу «Справа нет врагов», которая сделала его вождем и идеологом группы колумбийских протофашистов⁴⁵.

Протофашистские организации находились в непримиримой оппозиции к РЛС и президенту Альфонсо Лопесу Пумарехо (1934—1938, 1942—1945) с его программой социальных реформ «Революция на марше». Они обвиняли либералов в копировании советских законов, проведении аграрной реформы под давлением коммунистов и их агентов в либеральной партии.

«Леопарды», как и РСС, протестовали против реформы конституции 1886 г. В 50-летний юбилей конституции и в память о политических жертвах «либерального террора» они провели массовые манифестации, главным организатором которых был Х.Альсате. «Леопарды» вышли на улицы с голубыми знаменами консерваторов и своими черно-зелеными флагами и скандировали: «Рим — да, Москва — нет!». Вильегас писал в 1936 г.: «Кто реально управляет, так это руководство коммунистов и коминтерновской Международной организации помощи борцам революции, которые поддерживают правительство и конституционную реформу. Им не надо было выигрывать выборы, совершать государственный переворот, как это сделали их русские коллеги; креольские марксисты без этого смогли навязать советскую конституцию»⁴⁶. «Леопард» Э.Аранго призвал обратиться к массам, перейти к открытой конфронтации с либеральной властью: «Наш долг сделать возможной контрреволюцию, необходимо срочно национализировать государство»⁴⁷.

Профашистская газета «La Patria» в июле 1936 г. писала, что для возвращения консерваторов к власти необходимо взять пример с Гитлера, который сначала завоевал улицу многотысячными шествиями под флагами своей партии. Фашизм — это движение масс, и без этого невозможно думать о власти⁴⁸.

ИСПАНИЗМ, ФРАНКИЗМ, КОНСЕРВАТИЗМ

С началом гражданской войны в Испании колумбийские консерваторы заявили о поддержке франкизма. В январе 1938 г. в Колумбии было открыто представительство Испанской фаланги (Falange Española, FE), там действовала партийная организация испанской фаланги — *Jefatura Provincial de Colombia* во главе с испанским эмигрантом Антонио Вальверде Хилем, в которую вступило немало членов РСС⁴⁹. Лидер консерваторов Лауреано Гомес всегда подчеркивал свою приверженность испанизму и даже был готов принять франкистскую идею «империи», но не мирового господства фашистов Италии и Германии⁵⁰. «Леопарды» по-разному относились к имперской риторике франкистов. Если Вильегас с энтузиазмом приветствовал идею возвращения Колумбии к испанским корням, то убежденный болива-

рист Альсате не мог принять утраты национального суверенитета. Единственное, что их объединяло, — это испанизм и католицизм как основы колумбийского национализма⁵¹.

В РСС усилились националистические тенденции. PLC там называли «агентом американского империализма»⁵². В 1930-е годы антисемитизм, симпатии к франкизму и испанским католическим консерваторам, католический фундаментализм, замешанный на национализме, противостоящем интернационализму либералов, были широко распространены не только среди «леопардов», но и в РСС.

Л.Гомес в 1930-е годы был поклонником фалангизма, ценил идеи основателя испанской фаланги Хосе Антонио Примо де Риверы, которого считал мучеником. Во время пребывания в Мадриде Гомес присутствовал на одном из выступлений Примо де Риверы, который произвел на него огромное впечатление. Гомес называл его «предвестником будущего, провидцем империи, одним из самых блестящих ораторов современности»⁵³.

Рупором сторонников франкизма и салазаризма были журналы «Revista Colombiana», за которым стоял Гомес, и «Revista Javeriana», со страниц которого священник Феликс Рестрепо проповедовал католический корпоративизм. Если авторы первого издания видели во Франко правильный выбор христианской власти, то создатели второго предлагали обратить внимание на премьер-министра Португалии Антониу де Салазара (1932—1968) и реализовать в Колумбии подобный режим⁵⁴.

Гомес не раз публично осуждал итальянский фашизм, немецкий национал-социализм и советский коммунизм, однозначно и полностью встав на защиту франкизма⁵⁵. В 1935 г. он опубликовал работу «Четырехугольник», в которой выразил свое отношение к четырем, по его мнению, самым ярким фигурам того времени, а именно — к Гитлеру, Муссолини, Сталину и Ганди. Трех первых персонажей и возглавляемые ими политические режимы он осудил с точки зрения католического фундаментализма. Гомес писал, что «в России и в Италии правит ничем не ограниченная партийная олигархия»⁵⁶, а нацистов называл «большевиками справа»⁵⁷.

Немецкий национал-социализм для Гомеса был неприемлем как враждебная католической системе взглядов идеология и как проявление протестантской, лютеранской культуры⁵⁸. Гомес открыто высказывал предпочтение политическим практикам и идеям Франко и Салазара и осуждал Гитлера и Муссолини лишь потому, что последние были для него атеистами, а первые — верными католиками⁵⁹.

Колумбийские фалангисты и националисты объявляли себя сторонниками корпоративного режима. Их газета «La Patria», позиционировавшаяся как «антикоммунистический еженедельник и орган Колумбийской фаланги», в феврале 1938 г. писала: «Мы называем себя националистами, потому что хотим погасить пламя межпартийной ненависти, царящей среди детей Колумбии. Мы проповедуем корпоративное государство, основанное на вечном и естественном фундаменте, то есть на семье, муниципалитете, профсоюзе или корпорации, которые уже показали свои эффективность и величие в фашистской Италии, в корпоративной Португалии, в национал-социалистической Германии и которые создадут новую Испанию Франко, Испанию Хосе Антонио Примо де Риверы и Испанской фаланги»⁶⁰.

В 1939 г. «леопарды» из Менисалеса приняли участие в парламентских выборах независимо от РСС. Вильегас был избран в конгресс, однако присоединился к фракции консерваторов. Лидер РСС Гомес, выражая полную поддержку франкизму, нападал на «фашиствующую молодежь» внутри своей партии не меньше, чем на либералов. Только решительное неприятие им гитлеризма и итальянского фашизма остановило «фашизацию» РСС⁶¹.

Отмежевываясь от «леопардов» в лице Альсате и Вильегаса, Гомес утверждал, что, хотя все консерваторы были франкистами, было необходимо бороться с «креольским фашизмом»: «Одно дело быть франкистом, и другое — фалангистом». Гомес был категорически против фашистской униформы, римского приветствия и прочих атрибутов фалангизма. Опасность, исходившая от правых радикалов в РСС, была вполне реальной. Партийные газеты консерваторов, прежде всего «El Siglo», называли «леопардов» предателями консервативной доктрины⁶². При всех симпатиях к франкизму доктрина консерваторов опиралась на католический универсализм.

Гомес не скрывал антисемитизма и явно страдал от мании угрозы мирового иудео-масонского заговора в отношении Колумбии. Он протестовал против еврейской эмиграции в Колумбию, при этом заявляя, что не является расистом, а антисемитизм был проявлением католического фундаментализма. Для Гомеса еврейская проблема была не расовой, а религиозной. Многие его соратники справа разделяли антисемитские взгляды и поддерживали антиамериканскую позицию в начавшейся мировой войне. Консервативный публицист и страстный поклонник Гомеса Фелипе Антонио Молина в 1940 г. писал: «Победившее на Западе мировое еврейство, взявшее на вооружение политический и экономический либерализм, вызвало естественную реакцию против распространяемых им повсюду аморальности, бесчестности и жестокости, к которым присоединился его новый облик в лице социализма и коммунизма, победившего уже в России. Это мировое преступление, которое вызывает повсюду ненависть и классовую борьбу, называется мировым иудаизмом. Колумбия вот уже десятилетие управляется либерально-масонской сектой, которая стремится позорно вовлечь страну в орбиту США, которые и сами управляются иудео-масонской диктатурой. Консервативная партия — это националистическая партия, противостоящая антинациональной еврейской партии»⁶³.

В 30-е годы с нарастанием опасности новой мировой войны США стали предпринимать усилия для формирования блока американских государств под своим лидерством. С этой целью в 1938 г. была проведена Панамериканская конференция в Лиме, на которой Колумбия выступила как верный и преданный союзник Вашингтона. Вильегас тогда осудил позицию колумбийской дипломатии, полностью шедшей в фарватере политики США, при этом поддержав антиамериканскую линию Аргентины «против всех империализмов»⁶⁴.

Прогерманские позиции военных и части консерваторов вызывали беспокойство США. В Колумбии работала чилийская военная миссия, целью которой были реформирование и модернизация вооруженных сил. Возглавлял миссию Франсиско Хавьер Диас, основавший в 1932 г. Национал-социалистическое движение Чили (Movimiento Nacional Socialista de Chile, MNSCh). На этом влияние нацистов в Колумбии не ограничивалось. Так, немецкий пилот Херберт

Бой, пользовавшийся влиянием среди колумбийских авиаторов, создал Национал-социалистическую партию трудящихся Колумбии (Partido Nacional Socialista de los Trabajadores de Colombia, PNSTC). По данным американского посольства в Колумбии от 60 до 80% офицеров армии в те годы симпатизировали нацистам. Американцы опасались пронацистского переворота, который сверг бы «либеральную республику» и установил режим консерваторов, а те, в свою очередь, при поддержке Германии могли попытаться вернуть в состав Колумбии Панаму и Панамский канал⁶⁵.

С победой союзников в войне все местные фалангисты, протофашисты и другие симпатизировавшие «держavam оси» приостановили особую политическую деятельность и вернулись в лоно «родной консервативной партии». Первым это сделал Вильегас. «Леопарды» потеряли свой политический капитал и ушли на второстепенные позиции в политике, что стало для них большим ударом. Массы, ранее увлеченные их националистической и антикапиталистической риторикой, встали на сторону новой звезды — разрушителя старой политической системы Хорхе Эльсера Гайтана, пришедшего из РЛС и говорившего с народом почти на том же языке, что и националисты.

«Леопарды» не только вернулись в РСС, но и привнесли в нее свой курс, оказав значительное влияние на идеологию партии и на ее лидера Гомеса, что нашло отражение в последующем партийном развитии и в проектах корпоративистской реформы государства, предложенной консерваторами после их возвращения к власти в 1946 г. Колумбийская двухпартийная система стала непреодолимым препятствием не только для альтернативных левых партий, например, социалистов и коммунистов, но и для тех, кто пользовался популярностью среди правящих кругов правых радикалов и протофашистов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ R. A r í a s T r u j i l l o. Los leopardos. Una historia intelectual de los años 1920. Bogotá, Universidad de los Andes, 2013, p. 281.

² C. A. A y a l a D i a g o. El porvenir del pasado: Gilberto Alzate Avendaño, sensibilidad leoparda y democracia. La derecha colombiana de los años treinta. Bogotá, Fundación Gilberto Alzate Avendaño, 2007, p. 73—74.

³ A. F. A g u d e l o G o n z á l e z. Fragmentación discursiva en el Partido Conservador: leopardos y laureanistas. — Revista política colombiana. 2010, Julio—Septiembre, p. 92.

⁴ R. A r í a s T r u j i l l o. Op. cit., pp. 84—86.

⁵ El Gráfico, 22.XII.1925.

⁶ El fascismo en Brasil y América Latina: ecos europeos y desarrollos autóctonos. Coord. F. S a v a r i n o R o g g e r o, J. F á b i o B e r t o n h a. México, INAH, 2013, p. 36.

⁷ S. V i l l e g a s. No hay enemigos a la derecha (materiales para una teoría nacionalista). Manizales, Ed. Arturo Zapata, 1937, p. 24.

⁸ C. A. A y a l a D i a g o. La conquista de la calle y la resistencia conservadora a las reformas liberales del año 1936 // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura, 2007, N 34, p. 230.

⁹ Antología del pensamiento conservador en Colombia. Bogotá, Instituto Colombiano de Cultura, 1982, Vol. 1, p. 658.

¹⁰ La Patria Nueva. Bogotá, 07.VIII.1930, p. 2—3.

¹¹ S. V i l l e g a s. Op. cit., p. 17.

¹² J. G u e r r e r o B a r ó n. El proceso político de las derechas en Colombia y los imaginarios sobre las guerras internacionales 1930—1945. La guerra con el Perú, la guerra civil española y la

Segunda Guerra Mundial, el ascenso del fascismo y la construcción del discurso del odio. Tunja, UPTC, 2014, p. 97.

¹³ R.A r í a s T r u j i l l o. Op. cit., p. 44.

¹⁴ C.M.T o r r e s d e l R í o. Colombia. Siglo XX. Desde la guerra de los Mil días hasta la elección de Álvaro Uribe. Bogotá, Ed. Norma, 2010, p. 59—60.

¹⁵ J.C a m a c h o C a r r e ñ o. El último leopardo: capítulos de la República Liberal que no se le olvidaron a un conservador. Bogotá, Mundo al día, 1935, p. 8—9.

¹⁶ La Patria Nueva. Bogotá, 07.VIII.1930, p. 5.

¹⁷ Antología del pensamiento conservador en Colombia, Vol. 1, p. 682.

¹⁸ A.F.A g u d e l o G o n z á l e z. Op. cit., p. 102.

¹⁹ R.A r í a s T r u j i l l o. Op. cit., p. 171.

²⁰ S.V i l l e g a s. Op. cit., p. 156.

²¹ C.A.A y a l a D í a g o. Trazos y trozos sobre el uso y abuso de la Guerra Civil Española en Colombia // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura, 2011, N 2, p. 133.

²² R.A r í a s T r u j i l l o. Op. cit., p. 130.

²³ Antología del pensamiento conservador en Colombia. Vol. 1, p. 680.

²⁴ S.V i l l e g a s. Op. cit., p. 231.

²⁵ Ibid., p. 201.

²⁶ Antología del pensamiento conservador en Colombia, Vol. 1, p. 676—678.

²⁷ C.A.A y a l a D í a g o. La conquista de la calle, p. 214.

²⁸ R.A r í a s T r u j i l l o. Op. cit., p. 30.

²⁹ C.A.A y a l a D í a g o. El porvenir del pasado, p. 43.

³⁰ Patria Nueva. Bogotá, 24.V.1930, N 4, p. 4.

³¹ S.V i l l e g a s. Op. cit., p. 143.

³² Antología del pensamiento conservador en Colombia. Op. cit., p. 671.

³³ R.A r í a s T r u j i l l o. Op. cit., p. 194—195.

³⁴ Patria Nueva. Bogotá, 24.V.1930, N 4, p. 8.

³⁵ J.A.H e r n á n d e z G a r c í a. La Guerra civil española y Colombia. Influencia del principal conflicto mundial de entreguerras en Colombia. Bogotá, Universidad de la Sabana, 2006, p. 74.

³⁶ C.A.A y a l a D í a g o. La conquista de la calle, p. 219.

³⁷ C.A.A y a l a D í a g o. Trazos y trozos, p. 138.

³⁸ Ibid., p. 120.

³⁹ S.V i l l e g a s. Op. cit., p. 108—109.

⁴⁰ J.A.H e r n á n d e z G a r c í a. Op. cit., p. 70—71.

⁴¹ Cit. por J.G u e r r e r o B a r ó n. Op. cit., p. 311—312.

⁴² C.A.A y a l a D í a g o. Inventando al Mariscal: Gilberto Alzate Avendaño, circularidad ideológica y mimesis política. Bogotá, Fundación Gilberto Alzate Avendaño, 2010, p. 55.

⁴³ Ibid., p. 56.

⁴⁴ C.A.A y a l a D í a g o. Trazos y trozos, p. 125.

⁴⁵ C.M.T o r r e s d e l R í o. Op. cit., p. 97.

⁴⁶ S.B o t e r o. La reforma constitucional de 1936, el Estado y las políticas sociales en Colombia // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura, 2006, N 33, p. 94.

⁴⁷ C.A.A y a l a D í a g o. La conquista de la calle, p. 214.

⁴⁸ Ibid., p. 221.

⁴⁹ J.A.H e r n á n d e z G a r c í a. Op. cit., p. 52—54.

⁵⁰ J.A.H e r n á n d e z. Los leopardos y el fascismo en Colombia // Historia y Comunicación social, 2000, N 5, p. 224.

⁵¹ P.J.G ó m e z P r i e t o. Análisis del ideario fascista de Gilberto Alzate Avendaño y el grupo los leopardos, y su influencia en el discurso ideológico del grupo neonazi Tercera Fuerza. Tesis. Bogotá. Universidad Mayor de Nuestra Señora del Rosario, 2013, p. 13 (non publ.).

⁵² E.S á e n z R o v n e r. Laureano Gómez, entre la ideología y pragmatismo. — Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura, 2001, N 28, p. 40—41.

- ⁵³ J.A.Hernández García. La Guerra civil española y Colombia, p. 48—49.
- ⁵⁴ C.M.Torres del Río. Op. cit., p. 97.
- ⁵⁵ R.E miliani Roman. Laureano el grande. Bogotá, Universidad Católica de Colombia, 1989, p. 72.
- ⁵⁶ Antología del pensamiento conservador en Colombia, p. 500.
- ⁵⁷ J.A.Hernández García. La Guerra civil española y Colombia, p. 45—47.
- ⁵⁸ H.Figueroa Salamanca, C.Tuta Alarcón. El estado corporativo colombiano: una propuesta de derechas, 1930—1953. — Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura, 2005, N 32, p. 117.
- ⁵⁹ D.N.Pardo Motta. Laureano Gómez Castro y su proyecto de la reforma constitucional (1951—1953). Bogotá, Universidad del Rosario, 2008, p. 60.
- ⁶⁰ J.A.Hernández. Los leopardos y el fascismo en Colombia, p. 224—225.
- ⁶¹ D.Pécaut. Orden y violencia: Colombia 1930—1953. Medellín, Universidad Eafit, 2012, p. 293—295.
- ⁶² J.Guerrero Barón. Op. cit., p. 311.
- ⁶³ F.A.Molina. Laureano Gómez. Historia de una rebeldía. Bogotá, Voluntad, 1940, p. 254—255.
- ⁶⁴ C.M.Torres del Río. Op. cit., p. 114.
- ⁶⁵ A.L.Atehortúa Cruz. De López Pumarejo a Rojas Pinilla: partidos, violencia y ejército (1934—1957). Bogotá, Universidad Militar Nueva Granada, 2010, p. 30.

Andrey A.Schelchkov (sch2000@mail.ru)

Doctor in History Studies, investigator of Institute for World History of RAS

Seduced by Force: the «Leopardos» — Fascism Movement in Colombian politics (1920—1930)

Abstract. In the mid-20s of the XXth century in Colombia, in the middle of the moral and political crisis of the «conservative republic», among the conservative non-conformist youth and the right-radical intelligentsia a proto-fascist «leopardos» movement emerged. In the 1930s, this movement formed its own political party, which became an influential force in the Caldas and Antioquia departments. The growth of the proto-fascist organizations in Colombia was greatly influenced by the international processes, primarily by the Civil war in Spain. Proto-fascists in Colombia were not able to completely cut ties with the conservative party, and with the start of the Second World War they were forced to curtail their independent activities and return to the party. This article is dedicated to the analysis of the ideological and political baggage of the Colombian proto-fascists and their organizational evolution.

Key words: fascism, falangism, conservatism, right nationalism, Colombia, Silvio Villegas